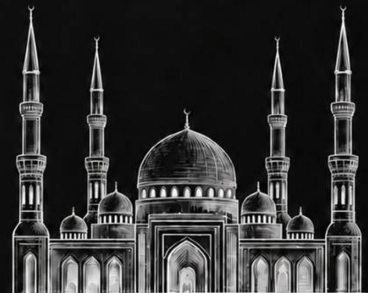

автор: ибрахим абу джаафар альбулянди

История ислама.

том 7..Мамлюкский султанат и крестовые походы

вплоть до наших дней
суннизм

Ибрахим Шитик

История ислама том 7

<https://litres.ru/74158597>

SelfPub; 2026

Аннотация

История ислама том 7 (мамлюкский султанат и крестовые походы) вплоть до наших дней.

Содержание

Слово автора	7
Глава первая. Накануне бури: почему франки пришли именно тогда	9
1. Раздробленный исламский мир	9
2. Клермонский призыв	11
3. Почему мусульманский мир не был готов	12
Глава тридцать седьмая. Второй поход и неудача под Дамаском	13
1. Ответ на падение Эдессы	13
2. Роковое решение под Дамаском	14
3. Урок неудавшегося похода	15
Глава вторая. Падение Иерусалима (1099)	16
1. Взятие Антиохии и Маарры	16
2. Осада и взятие Священного города	17
3. Основание Иерусалимского королевства	18
Глава сорок первая. Прокажённый король и раздор франков накануне Хаттина	19
1. Балдуин IV — правитель, обречённый на раннюю смерть	19
2. Раздор баронов и восхождение Ги де Лузиньяна	21
3. Урок внутреннего раздора	22
Глава третья. Занги и Нур ад-Дин: первый ответ	23

УММЫ

1. Имад ад-Дин Занги	23
2. Нур ад-Дин продолжает дело отца	25
3. Объединение Сирии и Египта	26
Глава четвёртая. Салах ад-Дин: от полководца до султана	27
1. Курд на службе сирийского дела	27
2. Дорога к Хатгину	28
3. От Хатгина до Иерусалима	29
Глава тридцать вторая. Судьба Животворящего Креста	30
1. Священная реликвия на поле битвы	30
2. Переговоры о возвращении	31
3. Символическое значение эпизода	32
Глава сорок пятая. Переписка двух полководцев	33
1. Слова, дошедшие через века	33
2. Спор об Иерусалиме	34
3. Взаимное уважение воюющих полководцев	35
Глава пятая. Третий поход: Ричард против Салах ад-Дина	36
1. Новое вторжение из-за моря	36
2. Резня пленных при Акре	37
3. Война на истощение	38
Глава шестая. Четвёртый поход: крест против креста	40
1. Поход, обернувшийся против самих	40

христиан	
2. Урок для понимания всего движения	42
Глава седьмая. Поход на Дамиегту: франки нацеливаются на Египет	44
1. Пятый поход и оборона Дамиегты	44
2. Седьмой поход и пленение короля Людовика	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ибрахим Шитик

История ислама том 7

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

ТОМ СЕДЬМОЙ

*Мамлюкский султанат и крестовые походы: щит ислама
на Ниле*

Составил раб Аллаха

Ибрахим Абу Джаафар аль-Буланди

да простит его Аллах и его родителей

Слово автора

Хвала Аллаху, Господу миров, Который возносит одни народы и низводит другие по Своей мудрости, и мир и благословение Пророку Мухаммаду, печати пророков, его роду и его сподвижникам. Дорогой брат, дорогая сестра по вере. В шестом томе этого труда мы рассказали о том, как потомки Чингисхана — вчерашние язычники — обратились в ислам и как держава Тимура пережила свой недолгий, но яркий расцвет. Теперь мы возвращаемся туда, откуда начали наше повествование о монгольской буре ещё в четвёртом томе, — в Египет и Сирию, к державе, которую мы уже не раз упоминали, но ни разу не рассказали подробно: к мамлюкскому султанату.

Мы также обязаны наконец рассказать честно и по порядку о крестовых походах — двухвековом противостоянии между исламским миром и латинским христианством Западной Европы, о котором мы говорили лишь урывками в четвёртом томе. Это была подлинная война, брат мой, — не богословский спор и не пограничная стычка, а масштабное вторжение вооружённых армий, пришедших из-за моря с целью захвата священных для нас земель, включая сам Иерусалим и мечеть аль-Акса. В этой книге я буду называть крестоносцев так, как их называли сами мусульманские хронисты той эпохи, — франками (аль-ифрандж), захватчиками, вра-

гами в конкретной и вполне определённой войне, ибо именно так оно и было.

Вместе с тем я продолжу и здесь придерживаться того же принципа точности, которого держался на протяжении всего этого труда: там, где на страницах этой книги встретятся христиане иного рода — покровительствуемые подданные (зимми) самого султаната, учёные-копты, восточные христиане, — я буду называть их так, как они того заслуживают по самой сути дела, не смешивая их с теми, кто пришёл с мечом завоевателя из-за моря. Война есть война, а мирное соседство есть мирное соседство, и честная история обязана различать одно от другого.

Мамлюкский султанат — держава поистине удивительная: единственная в истории ислама, где престол не передавался по наследству от отца к сыну, а завоёвывался силой и умением среди самих же вчерашних военных невольников. Именно эта держава остановила монголов при Айн-Джалуте, о чём мы уже рассказали в четвёртом томе, изгнала последних крестоносцев с земли Леванта и продержалась два с половиной столетия, прежде чем пасть под ударами османов, с которых мы начнём уже следующий, восьмой том. Прошу Аллаха, чтобы этот труд был искренним ради Его лика и полезным для тебя, читающий эти строки. А теперь — начнём, с именем Аллаха.

Глава первая. Накануне бури: почему франки пришли именно тогда

1. Раздробленный исламский мир

Мы уже рассказали в пятом томе этого труда о смерти сельджукского султана Малик-шаха в 1092 году и о последовавшей братоубийственной войне между его сыновьями, раздробившей единую сельджукскую державу на враждующие уделы. Именно в этот момент крайней слабости и раздора — не по случайному совпадению, а во многом именно вследствие этой слабости — Левант подвергся вторжению совершенно новой военной силы, пришедшей из-за моря на кораблях и по суше через Анатолию.

К 1095 году Сирия и Палестина представляли собой лоскутное одеяло враждующих друг с другом мелких сельджукских эмиратов, а также остатков фатимидского исмаилитского владычества в самой Палестине, о соперничестве которого с Аббасидами мы рассказали в четвёртом томе. Ни о каком едином фронте против внешней угрозы речи не шло — местные правители Дамаска, Алеппо, Мосула и других городов были куда больше озабочены взаимными распрями,

нежели далёким папским призывом в Европе.

2. Клермонский призыв

В ноябре 1095 года папа римский Урбан II произнёс в французском городе Клермоне проповедь, призвавшую европейское рыцарство отправиться в поход на Восток для освобождения Иерусалима и защиты восточных христиан от, как это преподносилось, притеснений со стороны мусульман. Мы должны, брат мой, отметить честно: непосредственным поводом для этого призыва послужило обращение самой Византии, чей император Алексей I Комнин просил у папы военной помощи против турок-сельджуков, отвоевавших у Византии значительную часть Анатолии после уже описанной нами в пятом томе битвы при Манцикерте в 1071 году.

Однако то, что началось как ответ на просьбу о военной помощи, обернулось значительно более масштабным предприятием: десятки тысяч вооружённых людей — не только рыцарей, но и простолюдинов, движимых религиозным воодушевлением и обещанием отпущения грехов, — двинулись на восток, объединённые общим и весьма широким намерением отвоевать у мусульман сам Иерусалим, третий по значимости священный город и для нас самих, мусульман, ибо там находится мечеть аль-Акса, о которой мы уже говорили в шестом томе этого труда в связи с завоеваниями сельджуков.

3. Почему мусульманский мир не был готов

Мы обязаны, брат мой, честно объяснить, почему это вторжение застало исламский мир врасплох. Помимо уже упомянутой сельджукской смуты, серьёзным фактором была и глубокая вражда между суннитскими сельджукскими эмирами и шиитским исмаилитским халифатом Фатимидов в Египте, о котором мы рассказали в четвёртом томе, — вражда, настолько острая, что отдельные фатимидские правители на первых порах, по свидетельству ряда источников, даже рассматривали приближающихся франков как потенциальных союзников против суннитских сельджуков, прежде чем в полной мере осознали истинный масштаб и цель франкского вторжения.

Этот эпизод, брат мой, служит нам горьким, но необходимым напоминанием об уже неоднократно звучавшем на страницах этого труда уроке: раздор внутри самой уммы — между суннитами и шиитами, между соперничающими эмирами одного толка — снова и снова создавал то самое роковое окно уязвимости, которым не преминул воспользоваться внешний враг, появившийся в самый неподходящий для единого сопротивления момент.

Глава тридцать седьмая. Второй поход и неудача под Дамаском

1. Ответ на падение Эдессы

Мы уже упомянули в отдельной главе, что взятие Занги Эдессы в 1144 году вызвало в Европе призыв ко Второму крестовому походу, возглавленному французским королём Людовиком VII и германским императором Конрадом III. В отличие от Первого похода, этот поход с самого начала складывался неудачно: германское войско понесло тяжёлые потери ещё при переходе через Анатолию от рук сельджукских сил, а французское войско также подверглось серьёзным нападениям на протяжении всего пути.

2. Роковое решение под Дамаском

Уцелевшие остатки обеих армий, добравшись до Леванта в 1148 году, приняли решение атаковать не Эдессу, ради возвращения которой формально был объявлен весь поход, а Дамаск — город, который на тот момент находился в довольно сложных, но по большей части мирных отношениях с соседним Иерусалимским королевством, порой даже выступая совместно против общего противника — того самого Нур ад-Дина, о котором мы рассказали в отдельной главе.

Это решение оказалось стратегической ошибкой поистине катастрофических последствий: атака на Дамаск вынудила его правителя, ранее склонного к союзу с франками против Нур ад-Дина, обратиться за помощью именно к этому самому Нур ад-Дину, — тем самым крестоносцы своими руками подтолкнули объединение сирийских мусульманских сил, которого прежде удавалось избегать. После нескольких дней безуспешной осады, столкнувшись с подходом подкреплений и внутренними разногласиями среди собственных предводителей, франкское войско было вынуждено отступить, потерпев унизительное поражение без каких-либо территориальных приобретений.

3. Урок неудавшегося похода

Мы должны, брат мой, отметить, что этот провал Второго крестового похода имел долгосрочные последствия, во многом облегчившие последующее объединение мусульманской Сирии под властью Нур ад-Дина, а затем и Салах ад-Дина, о котором мы подробно рассказали в отдельной главе: неудачная попытка франков атаковать Дамаск вместо более разумного союза с ним против общего сирийского противника лишила франкские государства потенциального сирийского союзника и ускорила то самое объединение мусульманских сил, что в конечном счёте привело к разгрому при Хаттине и падению самого Иерусалима в 1187 году. Так, брат мой, собственные стратегические просчёты противника порой служили умме не меньшую службу, нежели прямые военные победы наших собственных полководцев.

Глава вторая. Падение Иерусалима (1099)

1. Взятие Антиохии и Маарры

Войско франков, продвигаясь через Анатолию и Сирию, взяло в 1098 году после долгой осады город Антиохию, а вскоре после этого — город Маарат ан-Нуман, где, по свидетельству как франкских, так и арабских хронистов, победители учинили одну из самых страшных резней всего похода, включая, согласно нескольким независимым западным источникам, случаи людоедства среди голодающих участников похода. Мы приводим этот факт, брат мой, не ради одного лишь ужаса, а потому что честная история обязана фиксировать подлинный характер этого вторжения с самого его начала, прежде чем оно достигло самого Иерусалима.

2. Осада и взятие Священного города

Пятнадцатого июля 1099 года франкское войско после пятидневной осады взяло Иерусалим штурмом. То, что последовало за взятием города, вошло в историю как одна из самых страшных резней, учинённых над мирным населением за всю историю нашей уммы: по свидетельству арабского хрониста Ибн аль-Асира, которого мы уже неоднократно упоминали на страницах этого труда, франки истребили мусульманское население города почти поголовно, включая тех, кто искал убежища в самой мечети аль-Акса, а также значительную часть еврейской общины города, сожжённой заживо в синагоге, куда та укрылась.

Мы обязаны, брат мой, назвать это тем, чем оно является, — чудовищным военным преступлением, не имеющим оправдания ни по каким нормам ведения войны, включая и те, что признавала сама средневековая христианская Европа. Западные хронисты того времени, включая участников самого похода, описывали улицы города, буквально залитые кровью, — причём в отличие от многих иных подобных описаний в средневековых источниках, здесь эти жуткие подробности исходят не от жертв или их единоверцев, а от самих победителей, гордившихся содеянным как славным деянием во имя веры.

3. Основание Иерусалимского королевства

На завоёванных землях франки, о которых мы уже рассказали, немедленно приступили к государственному строительству, основав Иерусалимское королевство и три других франкских государства, о которых мы уже упоминали в четвёртом томе этого труда, — графство Эдесское, княжество Антиохийское и графство Триполийское, — учредив тем самым постоянное иноземное присутствие на землях, которые мусульмане считали своей законной и священной территорией на протяжении уже четырёх с половиной столетий, начиная с завоеваний самого халифа Умара ибн аль-Хаттаба, да будет доволен им Аллах.

Известие о падении Иерусалима и учинённой резне вызвало по всему мусульманскому миру волну скорби и негодования, породив, по свидетельству ряда источников, целый жанр скорбных стихов и проповедей, призывавших мусульманских правителей объединиться для освобождения священного города, — призывы, которые, к глубокому сожалению, оставались по большей части без ответа на протяжении последующих десятилетий, покуда раздробленные и враждующие друг с другом мусульманские правители Сирии продолжали свои собственные внутренние распри, вместо того чтобы дать согласованный отпор общему захватчику.

Глава сорок первая.

Прокажённый король и раздор франков накануне Хаттина

1. Балдуин IV — правитель, обречённый на раннюю смерть

Стоит рассказать, брат мой, и о внутренних делах самого Иерусалимского королевства накануне решающей катастрофы при Хаттине, о которой мы подробно рассказали в отдельной главе, ибо внутренний раздор среди самих франков сыграл в этой катастрофе не меньшую роль, чем военный гений Салах ад-Дина. Балдуин IV, вззошедший на иерусалимский престол в 1174 году в тринадцатилетнем возрасте и страдавший от проказы, обнаруженной у него ещё в детстве, правил, невзирая на прогрессирующую болезнь, вплоть до своей смерти в 1185 году, проявив при этом, по свидетельству даже мусульманских хронистов, значительное личное мужество и полководческое дарование, в частности одержав примечательную победу над самим Салах ад-Дином в битве при Монжизаре в 1177 году.

Однако прогрессирующая болезнь короля и отсутствие у

него собственных детей породили острый и разрушительный спор о престолонаследии между различными франкскими баронскими группировками, — раздор, ослабивший единство Иерусалимского королевства именно в те решающие годы, когда объединённая под властью Салах ад-Дина мусульманская Сирия и Египет готовились к решающему наступлению.

2. Раздор баронов и восхождение Ги де Лузиньяна

После смерти Балдуина IV и его малолетнего племянника-наследника престол в 1186 году унаследовала сестра покойного короля Сибилла вместе со своим мужем Ги де Лузиньяном — избрание, оспоренное значительной частью франкской знати, считавшей Ги неспособным полководцем, недостойным столь ответственного положения в момент нарастающей военной угрозы. Именно эта внутренняя раздробленность и взаимное недоверие среди франкских баронов, брат мой, во многом объясняют то роковое решение о выступлении навстречу Салах ад-Дину при недостатке воды, о котором мы рассказали в отдельной главе применительно к самой битве при Хаттине, — решение, принятое во многом под давлением уже упомянутого нами Рено де Шатильона и вопреки более осторожным советам иных франкских военачальников.

3. Урок внутреннего раздора

Мы должны, брат мой, отметить, что этот внутренний раздор среди франков перед лицом надвигающейся катастрофы удивительным образом перекликается с уже неоднократно описанным нами на страницах этого труда узором внутренней раздробленности мусульманских держав перед лицом внешней угрозы — будь то раздор сельджукских принцев накануне Первого крестового похода, о котором мы рассказали в начале этого тома, или раздор мусульманских правителей Сирии перед лицом самого этого похода. История, брат мой, судя по всему, не делает различия между верой тех, кто повторяет одну и ту же горькую человеческую ошибку: раздор и взаимное недоверие в момент, требующий единства, снова и снова оборачиваются катастрофой для той стороны, что не сумела его избежать, — будь то мусульмане или франки.

Глава третья. Занги и Нур ад-Дин: первый ответ уммы

1. Имад ад-Дин Занги

Мы уже упоминали в четвёртом томе этого труда атабека Мосула Имад ад-Дина Занги, взявшего в 1144 году графство Эдесское — первое из франкских государств, отвоёванное у захватчиков спустя без малого полвека после падения Иерусалима. Стоит рассказать о нём подробнее, ибо именно Занги по праву считается зачинателем того организованного мусульманского сопротивления, что в конечном счёте, спустя ещё несколько десятилетий, вернёт умме сам Иерусалим.

Занги, объединив под своей властью Мосул и Алеппо, стал первым сирийским правителем, поставившим освобождение земель от франков во главу угла собственной политики, а не занимавшимся этим от случая к случаю среди прочих текущих дел. Взятие Эдессы в 1144 году, сопровождавшееся, по свидетельству источников, определённой жестокостью по отношению к франкскому населению города, тем не менее было воспринято по всему мусульманскому миру как первая настоящая победа над захватчиками со времён их появления в 1097 году, — известие, вызвавшее в Европе,

в свою очередь, призыв ко Второму крестовому походу.

2. Нур ад-Дин продолжает дело отца

После убийства Занги собственным слугой в 1146 году дело отца продолжил его сын Нур ад-Дин Махмуд, правивший Алеппо, а затем и Дамаском вплоть до своей смерти в 1174 году. Нур ад-Дин, в отличие от отца, был известен не только военными успехами, но и глубоким личным благочестием: он покровительствовал суннитским улемам, строил медресе и больницы, лично избегал излишеств придворной роскоши и настойчиво насаждал среди своих военачальников идеологию джихада как священного долга по возвращению утраченных земель, а не просто как средства личного обогащения или расширения владений.

Именно при Нур ад-Дине начало складываться то, что современные историки называют «контр-крестовым» движением — целенаправленная религиозная и пропагандистская кампания, включавшая заказ проповедей, стихов и трактатов о добродетелях джихада и о святости Иерусалима, призванная сплотить разрозненных сирийских правителей и простой народ вокруг общей цели освобождения священного города, до которого, впрочем, самому Нур ад-Дину дожить было не суждено.

3. Объединение Сирии и Египта

Величайшим политическим достижением Нур ад-Дина стало распространение его власти на Египет, где в 1171 году, как мы уже рассказали в четвёртом томе этого труда, его полководец Салах ад-Дин аль-Айюби упразднил исмаилитский халифат Фатимидов, восстановив в Египте суннитское правление и власть аббасидского халифа хотя бы номинально. Это объединение Сирии и Египта под единой суннитской властью, брат мой, имело решающее значение для всей последующей истории борьбы с франками: отныне против захватчиков могли выступить объединённые силы обеих богатейших и населёнейших областей исламского Ближнего Востока, а не раздробленные владения соперничающих друг с другом мелких эмиров, как это было на протяжении первых десятилетий франкского присутствия.

Глава четвёртая. Салах ад-Дин: от полководца до султана

1. Курд на службе сирийского дела

Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб, курд по происхождению из знатного рода, служившего ещё Занги и Нур ад-Дину, после смерти последнего в 1174 году не удовольствовался положением наместника Египта, но постепенно, на протяжении последующего десятилетия, распространил свою власть и на Сирию, объединив под собственным правлением обе эти области и основав тем самым новую династию Айюбидов, сменившую в этом качестве прежних Зангидов.

Мы обязаны, брат мой, отметить, что путь Салах ад-Дина к единоличной власти не обошёлся без острого соперничества с наследниками самого Нур ад-Дина и другими мусульманскими правителями Сирии, что вызывало у части современников упреки в узурпации и честолюбии, — упреки, которые сам Салах ад-Дин стремился заглушить неустанным подчёркиванием того, что все его действия направлены на объединение сил уммы для решающей битвы против франков, а не ради личной выгоды.

2. Дорога к Хаттину

К середине 1180-х годов Салах ад-Дин объединил под своей властью Египет, значительную часть Сирии и Джазир, накопив силы, достаточные для решительного наступления на само Иерусалимское королевство. Поводом к войне послужило неоднократное нарушение перемирий со стороны франкского барона Рено де Шатильона, о котором мы уже рассказали в четвёртом томе этого труда, — этот человек, владевший крепостью Керак, регулярно нападал на мусульманские торговые караваны и паломников, включая, по некоторым сведениям, даже попытку организовать морской набег на сами священные города Мекку и Медину, что было воспринято всем мусульманским миром как невыносимое кощунство, не подлежащее прощению.

Четвёртого июля 1187 года, в разгар изнурительного летнего зноя, войско Иерусалимского короля Ги де Лузиньяна, вынужденное покинуть укреплённые позиции из-за уже описанного нами в четвёртом томе стратегического манёвра Салах ад-Дина, было наголову разгромлено близ Тивериадского озера, у холмов, известных как Рога Хаттина. Это сражение стало решающим и, без преувеличения, роковым для всей дальнейшей судьбы франкского присутствия в Леванте: практически весь цвет иерусалимского рыцарства был либо перебит, либо взят в плен, включая самого короля Ги.

3. От Хаттина до Иерусалима

После Хаттина сопротивление франков практически рассыпалось: одна за другой перед войском Салах ад-Дина капитулировали Акра, Наблус, Яффа, Бейрут и другие города, лишённые теперь своих защитников, погибших или пленённых при Хаттине. Второго октября 1187 года, спустя восемьдесят восемь лет франкского владычества, Иерусалим сдался войску Салах ад-Дина.

Мы уже рассказали в четвёртом томе о том поразительном милосердии, которое Салах ад-Дин проявил при взятии священного города, — в разительном контрасте с резнёй 1099 года, о которой мы вспомнили в начале этого тома, победитель позволил христианскому населению покинуть город за выкуп, а неимущим — вовсе безвозмездно, и в целом обошёлся с побеждённым населением с милосердием, признанным даже враждебными ему европейскими хронистами того времени образцом истинного благородства. Этот контраст между двумя взятиями одного и того же города, брат мой, — франкским в 1099 году и мусульманским в 1187-м, — сам по себе служит красноречивым свидетельством разницы между беспощадным вторжением, ищущим лишь истребления, и войной, ведущейся, при всей её суровости, в согласии с нормами, которые сам ислам предписывает даже по отношению к побеждённому врагу.

Глава тридцать вторая. Судьба Животворящего Креста

1. Священная реликвия на поле битвы

Стоит рассказать, брат мой, об одном примечательном эпизоде битвы при Хаттине, о которой мы уже рассказали в отдельной главе этого тома, — судьбе реликвии, которую франки почитали как частицу Животворящего Креста, на котором, по их вере, был распят пророк Иса (Иисус), мир ему. Эта реликвия традиционно сопровождала франкское войско в важнейших сражениях как символ, воодушевляющий воинов, и была захвачена войском Салах ад-Дина в качестве трофея непосредственно в ходе сражения при Хаттине.

Захват этой святыни, глубоко почитаемой всем латинским христианским миром, произвёл в Европе едва ли не более сильное впечатление, чем даже последующее падение самого Иерусалима, о котором мы также рассказали, — известие о её утрате стало одним из главных пропагандистских поводов для организации уже описанного нами Третьего крестового похода.

2. Переговоры о возвращении

По свидетельству ряда источников, вопрос о возможном возвращении этой реликвии неоднократно поднимался в ходе последующих переговоров между Салах ад-Дином и Ричардом Львиное Сердце, о войне между которыми мы рассказали в отдельной главе, — Ричард, среди прочих условий предполагаемого мира, настаивал на её возвращении как одном из важнейших требований. Салах ад-Дин, однако, судя по всему, так и не согласился на её выдачу, справедливо усматривая в ней ценный трофей и символ одержанной победы.

Дальнейшая судьба этой реликвии остаётся предметом споров среди историков: по одним сведениям, она оставалась в мусульманском Дамаске на протяжении последующих десятилетий, по другим — была впоследствии уничтожена или утрачена в ходе последующих политических потрясений. Мы, следуя нашему обычному правилу осторожности в подобных вопросах, не берёмся утверждать что-либо с полной определённой относительно её окончательной судьбы.

3. Символическое значение эпизода

Мы приводим этот эпизод, брат мой, не ради одной лишь занимательной детали, а потому что он ярко иллюстрирует ту глубоко символическую природу, которую обе стороны этого длительного противостояния придавали не только территориальным завоеваниям, но и религиозным реликвиям и святыням как таковым, — черта, свойственная, по-видимому, обеим сторонам этой войны в равной мере и лишней раз подтверждающая, сколь глубоко переплетены были в этом конфликте религиозные и военно-политические мотивы, о чём мы уже говорили на страницах этого тома применительно к более широкой картине крестовых походов в целом.

Глава сорок пятая.

Переписка двух полководцев

1. Слова, дошедшие через века

Стоит, брат мой, рассказать подробнее о самой дипломатической переписке между Салах ад-Дином и Ричардом Львиное Сердце в ходе их войны, о которой мы уже рассказали в отдельной главе, ибо она сохранилась в изложении арабских хронистов, включая уже упомянутого нами Баха ад-Дина ибн Шаддада, лично участвовавшего в качестве посредника в некоторых из этих переговоров, и являет собой редкий пример столь подробно задокументированного дипломатического диалога между предводителями воюющих сторон той эпохи.

По свидетельству Ибн Шаддада, Ричард в ходе переговоров о возможном мире предлагал брак между своей сестрой Джоанной и братом Салах ад-Дина аль-Адилем, с тем чтобы новобрачные совместно правили Иерусалимом, — предложение, которое Салах ад-Дин, по всей видимости, воспринял всерьёз и был готов обсуждать, прежде чем сам Ричард, встретив сопротивление собственного духовенства, отказался от этой идеи.

2. Спор об Иерусалиме

В другом послании, переданном через того же Ибн Шаддада, Ричард настаивал на возвращении Иерусалима франкам, ссылаясь на его религиозное значение для христиан, на что Салах ад-Дин, по свидетельству того же источника, ответил, что Иерусалим для мусульман столь же свят, как и для христиан, ибо там вознёсся на небеса сам Пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, и что он скорее умрёт, чем отдаст город, отвоёванный после стольких лет франкского владычества, добровольно назад.

Мы приводим здесь содержание этой переписки в пересказе, а не дословно, следуя нашему обычному правилу бережного отношения к первоисточникам, но сама её тональность, честно переданная арабскими хронистами того времени, показывает нам обоих предводителей не как карикатурных фанатиков, слепо ненавидящих друг друга, а как расчётливых государственных деятелей, ведущих трудные переговоры при полном осознании религиозной значимости предмета спора для обеих сторон.

3. Взаимное уважение воюющих полководцев

Мы должны, брат мой, отметить в заключение этой главы то обстоятельство, что подобное взаимное уважение между Салах ад-Дином и Ричардом, засвидетельствованное как арабскими, так и европейскими источниками той эпохи, ничуть не умаляет подлинной серьёзности и жестокости самой войны между ними, о которой мы рассказали, включая уже упомянутую нами резню пленных при Акре. Но оно служит важным напоминанием о том, что даже в разгар самой ожесточённой религиозной войны предводители обеих сторон способны были видеть друг в друге не безликих врагов, а достойных противников, чьё слово и намерения заслуживали серьёзного внимания и осторожного, но искреннего диалога.

Глава пятая. Третий поход: Ричард против Салах ад-Дина

1. Новое вторжение из-за моря

Известие о падении Иерусалима произвело в Западной Европе эффект, сравнимый разве что с самим Клермонским призывом столетием ранее: три крупнейших европейских монарха — германский император Фридрих Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский король Ричард I, прозванный Львиное Сердце, — приняли крест и двинулись на восток, стремясь отвоевать утраченный город.

Фридрих Барбаросса, впрочем, утонул при переправе через реку в Анатолии, так и не достигнув Святой земли, а Филипп II, взяв вместе с Ричардом после долгой осады город Акру в 1191 году, вскоре вернулся во Францию, оставив дальнейшее ведение войны английскому королю.

2. Резня пленных при Акре

Мы обязаны, брат мой, честно рассказать об одном из самых мрачных эпизодов этой войны: после взятия Акры Ричард, не дождавшись от Салах ад-Дина полного выполнения условий капитуляции города, включая выплату оговорённого выкупа, приказал казнить около двух-трёх тысяч пленнх мусульманских воинов и мирных жителей на глазах у обеих армий, — деяние, которое даже среди самих европейских хронистов той эпохи вызвало неоднозначную реакцию, и которое честный историк не вправе замалчивать, каким бы ни было последующее военное искусство Ричарда.

3. Война на истощение

Последовавшая за этим война между Ричардом и Салах ад-Дином, продолжавшаяся более года, отличалась примечательным сочетанием ожесточённых сражений — в частности, при Арсуфе, где Ричард нанёс войску Салах ад-Дина серьёзное поражение, — и вместе с тем взаимного уважения между двумя предводителями, засвидетельствованного как арабскими, так и европейскими источниками: стороны обменивались дарами, вели переговоры о возможном династическом браке между сестрой Ричарда и братом Салах ад-Дина, а сам египетский султан, по преданию, присылал заболевшему в разгар кампании Ричарду фрукты и лёд для облегчения его состояния.

В конечном счёте ни одна из сторон не сумела добиться решающей победы: Ричард дважды подступал к самому Иерусалиму, но оба раза принимал решение не осаждать город, справедливо опасаясь, что даже в случае успешного взятия не сможет удержать его достаточными силами вдали от морского побережья. В сентябре 1192 года стороны заключили перемирие: Иерусалим оставался под мусульманской властью, но христианским паломникам гарантировался свободный доступ к святым местам города, а франки сохраняли узкую полосу побережья с центром в Акре, — компромисс, оставивший обе стороны неудовлетворёнными, но положив-

ший конец на тот момент этой изнурительной войне.

Салах ад-Дин скончался в Дамаске в марте 1193 года, вскоре после заключения этого перемирия, — по свидетельству современников, в его личной казне на момент смерти не нашлось средств даже на достойные похороны, поскольку почти всё своё богатство он на протяжении жизни раздавал на дела благочестия, войска и помощь нуждающимся, что ярко свидетельствует о характере этого человека, справедливо оставшегося в памяти уммы одним из самых почитаемых её защитников.

Глава шестая. Четвёртый поход: крест против креста

1. Поход, обернувшийся против самих христиан

Стоит, брат мой, рассказать об одном примечательном эпизоде, который, хотя и не имеет прямого отношения к войне между мусульманами и франками, тем не менее ярко показывает подлинную природу крестоносного движения к началу тринадцатого века. Четвёртый крестовый поход, объявленный в 1202 году с формальной целью похода на мусульманский Египет, был отклонён венецианскими купцами, финансировавшими экспедицию, в совершенно ином направлении: вместо Египта войско крестоносцев обрушилось на христианский Константинополь, столицу православной Византийской империи, взяв и разграбив город в апреле 1204 года.

Разграбление Константинополя сопровождалось насилием над мирным населением, разрушением и расхищением бесчисленных христианских храмов и реликвий, включая сам собор Святой Софии, — деяние, которое православные византийские хронисты описывали в выражениях едва ли

менее скорбных, чем те, что мусульманские авторы использовали применительно к резне в Иерусалиме в 1099 году.

2. Урок для понимания всего движения

Мы приводим этот эпизод, брат мой, не для того, чтобы уйти в сторону от основной темы этого тома, а потому что он служит важным и честным напоминанием: крестоносное движение, при всей религиозной риторике, в которую оно облекалось, к этому времени всё более определялось прагматичными интересами итальянских купеческих республик, честолюбием отдельных предводителей и внутренними противоречиями самого латинского христианского мира, а во все не одной лишь чистой религиозной ревностью, как это порой представляется в упрощённых описаниях этой эпохи.

Разграбление Константинополя привело к основанию недолговечной Латинской империи на месте Византии и глубоко подорвало и без того ослабевшие силы православной Византии, лишив её на десятилетия значительной части территории и ресурсов, — ослабление, которое, по мнению многих современных историков, в конечном счёте облегчило дальнейшее продвижение турок-османов в Анатолию и на Балканы уже в последующие столетия, о чём мы, если Аллах того пожелает, подробнее расскажем в следующем томе этого труда.

Мы должны, брат мой, отметить с определённой горечью и одновременно с должным вниманием к справедливо-

сти: подобное поведение крестоносцев по отношению к собственным единоверцам — куда более многочисленное разграбление и насилие над православным христианским населением, нежели то, что творилось на страницах этого тома применительно к мусульманам, — лишний раз подтверждает: причины столь долгого и кровавого противостояния между Востоком и Западом коренились не в одной лишь религиозной розни между исламом и христианством, но и в куда более приземлённых мотивах человеческой жадности, честолюбия и жажды наживы, которые двигали участниками этих походов ничуть не меньше, чем искренняя вера.

Глава седьмая. Поход на Дамиетту: франки нацеливаются на Египет

1. Пятый поход и оборона Дамиетты

Убедившись на горьком опыте предыдущих кампаний, что удержание одного лишь Иерусалима невозможно без контроля над куда более богатым и населённым Египтом, франкские предводители следующих походов сместили направление главного удара именно на дельту Нила. В 1218 году крестоносное войско высадилось у египетского порта Дамиетта и после долгой осады взяло город в 1219 году, — успех, вызвавший серьёзную тревогу по всему мусульманскому миру, поскольку речь шла уже не о периферийных сирийских землях, а о самом сердце айюбидских владений.

Айюбидский султан аль-Камиль, племянник Салах ад-Дина, предложил франкам чрезвычайно щедрые условия мира, включая возвращение самого Иерусалима, в обмен на очищение Дамиетты, — предложение, которое, по мнению многих современных историков, могло бы навсегда закрыть вопрос об Иерусалимском королевстве мирным путём, но которое было отвергнуто предводителями похода, ослеплёнными, по-видимому, надеждой на полное завоевание Египта.

Эта самонадеянность обернулась катастрофой: в 1221 году айюбидское войско, воспользовавшись разливом Нила, отрезало и вынудило капитулировать всё крестоносное войско целиком.

2. Седьмой поход и пленение короля Людовика

Наиболее показательным для понимания уже назревавших перемен стал Седьмой крестовый поход французского короля Людовика IX, также направленный на Дамиетту в 1249 году. Французское войско вновь взяло город, но при дальнейшем продвижении к Каиру было остановлено и в решающем сражении при Мансуре в 1250 году потерпело сокрушительное поражение от айюбидского войска, значительную часть которого составляли уже не арабские или курдские феодальные ополчения прежних времён, а профессиональные тюркские военные невольники — мамлюки, — о рождении державы которых мы подробно расскажем в следующей главе.

Сам французский король Людовик IX был пленён при отступлении и содержался в плену несколько месяцев, прежде чем был отпущен за огромный выкуп и возвращение Дамиетты, — редчайший в истории случай пленения правящего европейского монарха мусульманским войском, во многом схожий по своему символическому значению с уже описанным нами в шестом томе этого труда пленением османского султана Баязида I Тимуром полутора столетиями позднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.